

Протоиерей
Анатолий Гармаев

*Культура
семейных
отношений*

Анатолий Гармаев

Культура семейных отношений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41609358

ISBN 9785449640383

Аннотация

Сегодня почти нет семьи, которая не нуждалась бы в добром и мудром наставнике. Однако, порой семейные проблемы так сложны, что не всякому человеку удастся помочь супругам. Возможно, в таком положении жизненных затруднений ко времени будет книга «Культура семейных отношений». Если возникает чувство «Еще немного и мы разведемся», – может быть, имеет смысл разобраться в причинах, которые разрушают мир и лад в семье. Не с другим разобраться, а с собой, чтобы знать, что созидать и как.

Содержание

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ	5
СПОСОБ РАБОТЫ	81
УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ САМОНАБЛЮДЕНИЯ	85
О ЧТЕНИИ	89
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Культура семейных отношений

Анатолий Гармаев

© Анатолий Гармаев, 2019

ISBN 978-5-4496-4038-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Священник Анатолий Гармаев

Культура семейных отношений

издание второе, дополненное

Волгоград, 2003

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ

митрополита Волгоградского и Камышинского
ГЕРМАНА

Сегодня почти нет семьи, которая не нуждалась бы в добром наставнике, мудром руководстве. Однако, проблемы семейные порой так сложны, что не всякому человеку удастся помочь супругам. Возможно, в таком положении жизненных затруднений ко времени будет книга «Культура семейных отношений».

Если возникает чувство: «Еще немного и мы разведемся», – может быть, не нужно опираться на него. Вместо погружения в отчаянную безпросветность, имеет смысл разобраться в причинах, которые разрушают мир и лад в семье. Не с другим разобраться, а с собой, чтобы знать, что созидать и как.

Книга открывает удивительную возможность аскетические труды святых отцов, из них особенно свт. Феофана Затворника и прп. Аввы Дорофея, применить в семейном домостроительстве и иметь из этого реальную помощь и разрешение трудных супружеских узлов.

Неожиданная, очень живая и увлекающая глава «Дети» открывает детство с той стороны, которую редко видят родители в наше время.

Доверие, бережность, целомудрие супружеских отношений – без них невозможна сколь-нибудь всерьез семья. Этими добродетелями определяется ее долгожительность.

В книге указанные темы развернуты до узнаваемой ясности и зовущей глубины. Образ мужа и жены, семейного уклада, множество упражнений по преодолению неправильных настроений и расположений сердца найдет читатель в помощь своей семье.

Второе издание значительно дополнено новыми материалами. Книга может послужить супругам на любом году их брачной жизни.

Глава первая. ЛЮБОВЬ И ВЛЮБЛЕННОСТЬ
Венчание. Затем свадьба.

Торжественное и счастливое событие в жизни каждого человека. Потому что с одной стороны, это исходная точка большого пути, не похожего на все предыдущее движение. А с другой стороны, это – завершение прекрасной поры влюбленности и острой жажды друг друга, счастливое дости-

жение заветного желания молодой пары.

Десятки глаз устремляются к ним. Сложные переживания рождаются в душе всякого, кто присутствует на этом торжестве: радость за молодых, что они обрели друг друга и тревога за их будущие отношения, легкость сегодняшнего праздника и предчувствие трудных ситуаций, неизбежных в каждой семье, отданность веселью и заботливое напутствие молодым, торжественность речей и сердечность участия.

Много вопросов, не высказанных, не произнесенных в то-стах, будут тревожить и беспокоить людей. Каждый оставит их в своей душе, чтобы потом за долгие годы заботливого соприсутствия с вновь нареченными супругами получать на них ответы.

Один из таких вопросов социологи Москвы и Санкт-Петербурга решились задать открыто: «Зачем вы образуете семью?» Они провели опрос молодых людей, вступающих в брак, и попросили от будущих супругов очень серьезного ответа.

«Чтобы любить друг друга», «Чтобы вместе воспитывать детей» – это были стандартные ответы, дальше которых юноши и девушки, как обнаружилось, еще не успели подумать.

Но любить – что это значит? Воспитывать – кого и как?

Увы, нет специальных курсов, на которых можно было бы получать знания в таких вопросах, нет людей, которые бы готовили к этому вступающих в брак. Только родители, знакомые и близкие будут давать разовые советы, а все остальное постижение премудростей семейной жизни придется совершать по ходу дела – между работой и домом, между пеленками и магазином, через ссоры и счастливые минуты общения друг с другом.

Может быть, поэтому во время свадьбы столько заботливых напутствий в речах взрослых, знающих через личный опыт сотни трудных перекрестков в жизни семьи... Может быть, отсюда эта бережность участия, с которой подходят к молодым их бабушки и дедушки...

Подарить молодоженам сознание торжественности момента, значит, подарить им осознание высокого смысла совершаемого ими шага. Вряд ли возможно сделать это за два-три свадебных дня. Невозможно привнести в них этот смысл и в то короткое суматошное время, пока идет подготовка к венчанию и свадьбе. Более того, момент, когда молодыми принимается решение образовать семью, является той точкой во времени, после которой события начинают опережать в человеке работу осознания своих поступков.

Предугадывая наступление такого момента, родительская мудрость подталкивает взрослых к разговорам и беседам со своими детьми еще в то время, когда сами дети не представляют себя в качестве будущих отца или матери. От этой работы упреждающего сознания в основном и зависит, будет ли предшествующий свадьбе период знакомства молодых друг с другом воспринят ими правильно. Ведь от него во многом зависит высота старта супружеской жизни, пойдут ли они с первых же дней к бережному строительству деликатных отношений друг с другом, или жизнь семьи начинается для супругов с шумно-разгульного и бесшабашного увлечения подаренным счастьем. Последнее обычно сменяется чувством глубокого разочарования, которое неизбежным облаком опускается в атмосферу семьи: у одних – спустя полгода, у других – спустя месяц, а у третьих – по прошествию всего одной недели. Опускается, чтобы включить в сознание супругов работу осмысления и переоценки всех событий, произошедших со дня их первого знакомства друг с другом.

Увы, благополучно идти по жизни и при этом не обрести житейской мудрости не удастся никому. Либо она приходит через внимающее отношение к старшим, к их советам, и тогда упреждает события, либо через своевольный, гордый опыт собственных проб и ошибок, но тогда она плетется

в хвосте событий, горько вздыхая и сокрушаясь.

Что же происходит с молодыми до свадьбы? Казалось бы, ничего плохого. Они влюблены и

«наотмашь» отданы друг другу. Они живут ощущениями, которых раньше ни один из них не знал.

Не знал их всепоглощающую силу и яркость проживания. Не подозревал, что возможно столь обостренное чувство себя, своих состояний и такая устремленность к встрече с другим.

В этой увлеченности друг другом ни один из них не отдаст себе отчета в причинах своих ощущений, в истоках своих состояний. Каждый просто живет ими, не трудясь над осознанием и не выверяя себя по каким бы то ни было эталонам. Отданность своим чувствам и полная свобода в проживании себя опьяняют и уводят прочь от внешнего и внутреннего сопоставления своих ощущений с идеалами чистоты. Нет идеалов, есть я и мои ощущения!

В таких случаях все, что произойдет затем в семье между супругами, обнаружит, что в период влюбленности они не были отданы друг другу. То есть, не любили друг друга. Напротив, каждый отдавался сам себе, своим состояниям, своим чувствам, своим удовольствиям. Ожидание встречи было на самом деле предвкушением наслаждения – упо-

ительного, томящего и страстного.

Любовь дарят, она жертвенна, потому и о любимом имеет заботу, попечение – не о своем радеет, но о том, чтобы ему, другому, полно жить. Любовь бескорыстна. Она не ищет услады и не пользуется ради этого другим.

В противоположность этому, влюбленные томятся от недостатка наслаждения, жаждут его. И в это время и тот, и другой живут в мире грез. То кажется, что другой сейчас страдает в ожидании меня, хотя и занят делами, но душою тянется ко мне. То разворачиваются в видениях нежные сцены встречи, теплой заботы и чувства неги. Не замечается при этом, что все переживания, связанные с другим человеком, у влюбленного акцентированы на самом деле на себе самом. Проживаются не действительные состояния другого человека, но свои собственные состояния. Другой человек в этих грезах всегда воспринимается как даритель радости и наслаждений. Не живущий сам по себе, не ответно любящий, не устремленный к миру, но устремленный ко мне. И в этих моих услаждениях по поводу другого заключается для меня вся прелесть встречи с ним.

Потому, чем дольше длится наша разлука, тем острее жажда встречи, богаче, образнее предвкушение и ярче, сильнее все чувства самой встречи. Короткое свидание не да-

ет удовлетворения, и каждый раз мы расстаемся с неохотой и изнутри томящим сожалением. Не это ли происходит, когда мы очень хотим шоколадных конфет, бежим в магазин и наслаждаемся купленной шоколадкой? Но ее мало. И недонасыщенное желание остается до следующего раза, пока не разгорится вновь во всепоглощающий внутренний жар – «хочу!»

Так работает тонкий механизм встреч и расставаний. В каждой разлуке разогревается ожидание, и в каждой встрече видится желаемое, оно и приносит чувство полетности и подъема. От встречи к встрече это чувство усиливается и рождает слепую потребность в соединении своих жизненных путей. Ради чего? Этот вопрос не стоит перед молодыми. Потому что решение соединиться в браке рождено не осознанием глубокого смысла и назначения семьи, а из потребности сделать вечным «услаждение любовью».

Характерно, что среди ответов молодых на вопросы социологов был и такой: «Мы заключаем брак, потому что не можем жить друг без друга». И все. Больше никаких объяснений. И удивленные глаза – «разве этого мало?»

Мало, потому что семья – явление гораздо более серьезное, чем простое доставление друг другу наслаждений. Потому что влюбленность, переживаемая молодыми, обладает

далеко не чистой природой. В ней всегда больше эгоизма, чем действительной любви к другому. Это одно из очень ярких, но, к сожалению, обманчивых состояний человека.

Игра в карты, тяга к курению, к спиртным напиткам и наркотикам, тяга к участию в жарких спорах имеет под собою ту же основу – страсть. Это состояние особой «включенности» человека в свои переживания, бурные или тихие, но всегда глубокие, увлекающие его всецело. В азартных играх собственная экзальтированность рождает в человеке обостренное чувство ситуации, а в состоянии влюбленности она же рождает слепую способность расцветивать реальность в удивительные краски своей фантазии и воображения.

Нечто подобное испытывают и матери в своих чувствах к ребенку. Ласковое прикосновение к его головке, нежное поглаживание, поцелуи – все приносит удивительно острое чувство наслаждения. В стремлении к этим наслаждениям мать тянет к себе ребенка, а он... Он заигрался в кубики и сейчас не хочет к маме.

Сына, сынок, иди, посиди со мной.

Не хочу, – упирается он.

И тогда мама с нарастающим раздражением и досадой тянет его к себе, все еще надеясь переменить его настроение в угоду собственным желанием. Она требует от него, чтобы сын принял ласку и ответил на нее. Где же тут любовь? Вместо любви к другому здесь эгоистическая привязанность к своим страстным чувствам. А ребенок – всего лишь предмет этих чувств и средство чувственного наслаждения.

Интересно, что такая «любовь» к другому легко и просто может сменяться на бурную ненависть в ответ на отказ другого удовлетворить то или иное желание страсти. Примеров и картин этой ненависти у недавно еще «любивших» друг друга людей очень много вокруг нас: в описаниях художественной литературы, кино и театра. Такую ненависть легко погасить, стоит лишь ответить на призывы «любящего».

Любовь ли это? Может быть, в подобных случаях мы имеем дело с чем-то другим? Потому что иначе невозможно понять, как сочетается самое низкое, эгоистичное, уничтожающее другого человека чувство – ненависть – с самым высоким, утверждающим человека – любовью. Не происходит ли тонкая, трудно сознаваемая подмена одного другим – любви – влюбленностью?

Во вновь созданных семьях результаты такой «любви» обнаруживаются очень скоро. Преданные совсем недавно друг другу юноша и девушка по истечении некоторого време-

ни после свадьбы неожиданно для себя приходят в состояние невероятной раздраженности один от другого. Механизм страстного влечения – встреч и расставаний – перестал поддерживать огонь влюбленности, и в результате из добрых супругов они превращаются во врагов, непрестанно бичующих друг друга.

Куда же девалась любовь? Никуда. Ее просто не было. Была эгоистичная любовь к самому себе, к собственным переживаниям. Теперь, когда наступило насыщение друг другом, встреч и расставаний уже больше нет, страстная зависимость от другого ушла, эта любовь к собственным переживаниям проявилась в полную меру. Любящие только себя супруги стали естественными антагонистами, ибо прийти в единодушие с другим не было их стремлением. Обслужить себя через другого – вот каковой была их первоначальная задача!

Каждый из нас может вспомнить годы своей юности и волнение: «Встречу ли я любимую? Какой она будет?» А пока не встретил, живу чувствами «нравится». Чувства эти переменчивы, приятной чередой бегут во мне и наполняют день.

Нравится актриса в кинофильме, пока я смотрю на экран, нравится образ героини прочитанного романа. Когда иду по улице, глаз невольно выхватывает из толпы отдельные лица, фигуры, и снова чувство «нравится» сладкой негой под-

нимается в душе. Иногда же забудусь в грезах, и образ девушки – сегодня один, завтра другой – раздражит и окунет меня в глубокое наслаждение. Разглядывая в журналах фотографии, вдруг ловлю себя на том, что на отдельных лицах задерживаюсь и погружаюсь в особые переживания. Этот культ удовольствия, почти не сознаваемый, подготавливает во мне волну влюбленности.

И тогда, со свойственной мне одержимостью, вдруг начинаю создавать образ желаемой для меня невесты. Появляется постоянная внутренняя работа по кристаллизации этого образа. Каждое встречное лицо невольно отмечается и сопоставляется с внутренним представлением: «Такой ли моя будет? – Нет, не такой». «Нравится мне эта? – Нет, не нравится». И среди людей, окружающих меня, я строго и требовательно ищу ту, образ которой создал в своем воображении. Или в чувстве «нравится» бессознательно имею точный критерий: что по мне, что не по мне.

И нахожу иногда, что по мне. После долгих или коротких встреч и расставаний уверенно веду ее во дворец бракосочетания, затем в храм на венчание, и начинаю с этого счастливого момента свою семейную жизнь.

Если бы мне знать, что у человека есть три возможности качественно различного старта своей семейной жизни!

Один – от чувственного влечения, от услаждения плотью другого и чувственной его душой.

Другой – от встречи с душой действительной, той, которая от Бога дана, которая правдива, искренна и честна, которая может кротко, глубоко и преданно любить, знает радушие и заботу о другом. Это дружба, в которой нет никакого влечения к телу друга. Вообще вне тела складываются отношения. Достоинства души другого и собственная преданность другу соединяют двоих.

Третий старт – от благословения родительского и Божьего, данного духовником. Увы, ничего этого не зная, я отдался первому, что было во мне – влечению чувственности.

Но бывает другое. В грезах о будущей невесте не замечаю своего окружения. Они есть вокруг меня – подруги, товарищи – но не как будущие жены. И однажды...

Она принесла цветы из леса и раздавала всем, кто хотел им радоваться. Я подошел, глаза наши встретились. Каким-то новым, незнакомым движением души я почувствовал ее...

Потом все удивлялись – что я нашел в ней? Я и сам удивлялся, потому что все мои грезы были совсем о другой.

То же, что открылось в этой встрече с нею, было много богаче, полнее всех моих мечтаний.

Есть в каждом человеке две глубины его Я. Одна – та, что на поверхности. Другая – та, что и ему самому почти неизвестна. Эта вторая сокровенная глубина Я отрывается в минуты особенные, когда встреча с человеком становится внутренним озарением и наполняет сердце впервые пережитым тонким движением действительного человеческого общения. Не все может быть чисто в этом вновь пробудившемся чувстве, но в нем есть сокровенная встреча, узнавание приуготовленных друг другу, в этом чувстве есть новая жизнь, которую раньше человек душою не знал.

В эти минуты внешность другого, в том числе и телесность его, его плоть, перестают иметь значение. Во что он или она одета, какое у нее или у него лицо, как воспринимают его окружающие – все это уходит в небытие перед тем, что открывается за внешностью. Глубина встречи, тончайшего чувства общности, общности двух сокровенных Я ясна только двоим. И тогда на все удивленные возгласы: «Что ты в ней нашел?» – сама собой невольно льется улыбка, улыбка человека, познавшего тайну.

«Брак, – по учению свт. Иоанна Златоуста, – есть прежде всего Таинство человеческой природы, дело Творческой

Премудрости Божией, соединившей первозданных мужа и жену в плоть едину (Быт. 2, 24); в силу вложенного Богом в природу человека естественного закона, мужчина и женщина стремятся друг к другу... Где нет, следовательно, такой любви, побуждающей живую человеческую личность одного пола стремиться дополнить себя такую же личностью другого пола, там брачный союз теряет свое истинное значение, там невозможно и счастье брачной жизни. Тайна такой задушевной и самой тесной любви, которою муж любит свою жену, как свое другое „я“, коренится в том, что жена силою Божиею взята от мужа, создана из ребра его». 1 Редкие люди наделены тем счастливым даром, когда при первой же встрече открывается действительно это чувство любви друг к другу. В большинстве случаев любовь нужно взрастить, и семья есть тот самый инструмент, которым возможно открыть в себе любовь, то удивительное состояние, в котором просыпается в человеке способность быть в единомыслии с другим, служить ему и любить его, особое состояние, при котором другой впервые открывается в полную и действительную силу не моих наслаждений от него, а его действительного Я, его души.

Восхождение к такой любви и начинается с первых дней жизни каждой семьи в том, по словам Св. Илария Пиктавийского, «внутреннем, сердечном влечении, в самом зарождении своем трудно объяснимом». 2 Может быть, поэтому день

свадьбы становится для молодых супругов новой, отправной точкой жизненного пути, когда начинается путь жизненного Ученичества.

Третий случай встречи двоих – не от чувственного «хочу тебя» или «хочу быть с тобой», не от душевного узнавания друг друга, а от родительского выбора или благословения духовника.

Как-то ныне покойный батюшка Тихон Пелих вышел после Литургии из алтаря, поддерживаемый алтарником, седой, кроткий, блаженно тихий, остановился в дверцах амвонной преграды, взгляделся в людей, мирно, смиренно, и поманил к себе пальцем юношу. Потом с другого конца храма призвал к себе девушку. Взял руку юноши и вложил в нее руку девицы. Вложив, благословил:

Любите друг друга. Господь с вами.

Ни она, ни он не знали до этого друг друга. Так, виделись в храме, и только. Потрясенные, они бросились к духовнику:

Батюшка, что нам делать?

А он их спрашивает:

Соединил?

Соединил.

Благословил?

Благословил.

Ничем уже не помогу. Разве что от себя еще благословлю.

...Скоро молодые повенчались. Теперь это хорошая, добрая семья. Он – священник, она – матушка. Детей уже четверо.

Что же происходит, если не по благословению, а по чувственному влечению молодые нашли друг друга? После свадьбы в состоянии влюбленности супруги не видят худых проявлений характера друг друга. Увлеченные собственным счастьем, они видят в другом лишь доброе и от этого испытывают воодушевляющую сладость и полетность жизни.

Что ж, начало может быть и таким. Пусть изначально эгоистическая позиция влюбленности будет тем тестом, в которое предстоит еще положить закваску. И уже после этого тесто вскиснет, и откроется тогда начало любви. Но для этого нужно будет, чтобы задолго до того, как начнется насыще-

ние друг другом и откроются различия характеров, привычек, представлений, молодые распознали бы в себе чувственность, услышали возможность настоящих душевных нравственных отношений и, более того, возможность духовной общности и обретение семьи как малой Церкви. В таком сознании себя и будущего семьи естественно и легко начнется тогда труд по становлению себя другим.

Пройдет время, и откроется для них иное расположение сердца, когда человек живет не своими наслаждениями, а испытывает радость за другого. Когда он слышит в нем каждый жест, каждый возглас, каждый шаг как движение его жизни. И радость приходит от того, что это движение человек видит и чувствует в другом. Тогда открывается ему иной мир, в котором преображается все – и природа, и люди. Ничто не стоит на месте. Все наполняется тончайшим дыханием жизни. Оживает каждый лист, каждая травинка. Струи света пронизывают весь мир, высвечивая его тонкой, тихо ликующей радостью. Радость дается человеку, наполняя его странной, незнакомой прежде и вдохновляющей силой. Впервые он слышит природу, людей так полно, так ясно и так близко. Впервые он любит.

В таком настроении сердца приходит понимание, что выделение одного человека из числа многих, кто нас окружает – это и большая ответственность за данного человека, и осо-

бая любовь к нему.

Что же нужно, чтобы так развивались, так складывались отношения в любой семье? Ответить на этот вопрос непросто.

Двое встретились. Почему? Сокровенность, тайна встречи – центральное основание будущего брака. Происходит она не только там, где молодые сами находят друг друга, но и там, где благословением родителей или духовника сочетаются друг с другом.

«Почему, скажи мне, – пишет свт. Иоанн Златоуст, – она (тайна брака) велика? Потому что девица, находившаяся все время внутри дома, никогда не выдавшая жениха, с первого дня так привязывается и начинает любить его, как собственное тело; равно и муж ту, которой он никогда не видал, с которой никогда не разговаривал, с первого дня предпочитает всем, и друзьям, и родственникам, и самим родителям... Сознавая, что не дело человеческое, но Бог внедрил такую любовь и устроил, что и отдающие (родители) и отдаваемые делают это с радостью, Апостол Павел говорит: „Тайна сия велика есть“ (Ефес.5:32). И как между детьми рожденное дитя при взгляде на родителей тотчас узнает их, еще не умея говорить, так точно жених и невеста, без всякого посредника, без чьего-либо увещания и совета, прилепляются друг к дру-

Как важно не пройти мимо этого, услышать, почувствовать сердцем. Значит, в тишине внимания и чуткости к другому найти свою половину. Увы, всегда ли это бывает?

Не происходит ли порой, что в поисках своей невесты я твердо и самоуверенно держусь созданного мною образа и не слышу, не хочу слышать и знать тонких касаний сокровенных встреч. В иллюзии собственных представлений о ценностях я перестаю замечать ценности окружающих меня людей. В утверждении среди людей собственных взглядов на мир забываю, что мир обращен ко мне в остром желании общения со мною, но не через безудержный хохот, не через громкие и яркие разговоры, не через размахивание руками от шумного восторга, а посредством тишины истинной встречи, полной тонких, поэтому богатых и не всегда знакомых многим из нас движений подлинной жизни.

Бережная чуткость к людям и уповающее на Бога послушание Его воле: не единственный ли это путь, которым можно прийти к взаимности встречи?

Тогда брак возникает на иной основе, много больше, чем только наши представления о нем или чувственные желания другого. Тогда вера расположит человека Богу, а чуткость

человеческого общения – это объективное богатство живого движения души – даст ту силу, которая действительно, без иллюзий, соединит людей. Есть ли источник более щедрый, чем этот? Не из него ли с течением времени с обретением мудрости семейной жизни приходит чувство спокойной уверенности друг в друге, душевной защищенности и глубокой гармонии в общении, которые сливаются в супругах в одухотворяющем чувстве любви друг к другу?..

Об этом единении, которое лежит в психической природе человека, говорят святые Григорий Богослов, Василий Великий, Астерий Амасийский, свт. Иоанн Златоуст. Без этого «союза любви, мира, благорасположения и внутреннего единения супругов» не может быть и брака.

Счастливы семьи, которые начинают свою супружескую жизнь с этого чувства.

Совершилось венчание, отыграна свадьба. Казалось бы, все желаемое уже в руках. Но нет.

Домостроительство только начинается и та, и другая семья с сокровенным подкреплением и без него – должны будут пройти нелегкий путь созидания в себе новых привычек, новых влечений. Если этого не произойдет, мира в семье не будет.

Жажда удовольствий для себя не имеет пределов. Если во мне она не обуздана, если есть беззаботность отношения к своим поступкам или готовность в любой момент ринуться в сладко зовущую авантюру человеческих контактов, я буду причиной постоянной боли для людей, связанных со мною родством. Чувство насыщения и рождающееся отсюда чувство неудовлетворенности в постоянной и, как мне будет казаться, надоедающей обстановке семьи будет толкать меня в сторону на поиски новых общений.

«Что я могу с собой поделатъ? Примите меня таким, каков я есть», – эти простые, до наивности безшабашные слова прикроют и оправдают мою занятость собою, мое постоянное желание купаться в собственных ощущениях счастья, возникающих на гребне страстей. Далеко не всегда это другая женщина или другой мужчина.

Упоение общением может проходить и в компании друзей, и в пивном баре среди случайных знакомых, и за карточным столом, и за телевизором, где идет трансляция футбольного или хоккейного матча. Для жен – это и подруги, и прежние связи, и привычки проведения времени. Это и ложная «церковность», за стремительностью которой теряется важнейшая составная единения человека с его домашними – любовь к ним. Увлеченность идеями, ярким делом также нередко выводит нас за пределы человеческих отношений в семье.

Поиск удовольствий и чувство неудовлетворенности могут оставить один на один с бутылкой – и это тоже будет явный симптом занятости собой и глухой закрытости на боль и зов о помощи рядом идущих жены, мужа, детей, родителей.

С другой стороны, чувство обладания, собственничество и глубокая привязанность к другому, преломляясь через призму влечения, легко превращаются в ревность. Никто более не нужен – один он, единственный... С ним вся радость. И болью наполняется сердце, если мы видим близкого человека в общении с другими. Как может быть он с ними столь открытым, столь добрым и веселым? Тонкое чувство жалости к себе ядовитой струйкой льется в душу. И непонятно, что именно происходит, но все смешивается в груди – досада, отчаяние, раздражение и боль.

Это чувство наполняет сердце, когда мы выходим с близким человеком в общество его друзей, когда ждем его по вечерам одни в квартире, когда, проводив его в отпуск или в командировку, сами остаемся дома. Жажда по нему становится той привязанностью, которая на самом деле привязывает к себе прочной и острой веревкой эмоций и страстей. Это муки для обоих, и нет в них просвета. И жить так невозможно, но расстаться – еще хуже. Так и живем...

Ревность – это острое, сжигающее все добрые устремления к другому буйство себялюбия, собственничества. Очень сильное, эмоциональное, пронизывающее все ощущения человека чувство ревности цепляется за другого, как за единственного дарителя высшего состояния страстного наслаждения. Потерять даже малейшую частицу этого дара, увидеть, как оно уйдет другому от меня, ревнующего, – невыносимая боль. Чувство обладания, беспрекословной принадлежности только мне одному каждого дыхания, каждого движения любимого человека до боли томит и... ослепляет.

Нет радования его жизнеощущению, вместо этого идет постоянное сравнение, сопоставление и контроль: все ли отдается мне, а если не все – лучшее ли перепадает мне. В любви к себе появляется брезгливость и нелюбовь к другим, тем, кто соприкасается с ним. И тогда бросается ему действительно ощущаемое:

Ты оскверняешь меня.

Чем?

Своими разговорами с людьми, своим общением с ними, своими связями с ними. Принадлежи мне, и только мне – единственному, чего я хочу.

А хочу я, оказывается, быть в собственных чувствах, которые рождаются в общении с принадлежащим мне человеком. Только и всего.

В других случаях преданность собственным ощущениям легко трансформируется во взаимные претензии, в которых отчетливо видится долг другой стороны и наивно не признаются при этом свои долги. Логика предельно простая – моих долгов нет. Я и так уже много делаю, разве этого мало?

Культ удовольствий – причина порочной влюбленности до венчания, он же – причина чувственности после. Незнаваемый нами, он пронизывает наш быт, наши отношения к вещам и к людям. Невольно в логике этого культа мы начинаем воспитывать своих детей, приуготовляя их, как это делали с нами наши родители, к встрече с теми же трудностями, с которыми мы столкнулись сейчас сами в себе. Невольность такого воспитания идет из нашего собственного детства, где была смещенность от духовных ценностей к ценностям материальным, где не было явного доминирования первого над вторым. Теперь незаметно для нас это формирует наш быт и наше отношение к детям. Удовольствие от новых игрушек, от вкусной и редкой пищи, от красивой и модной одежды, от общения с избранными сверстниками (и с брезгливым отторжением всех других), от видеочамер и компьютеров, мотоциклов и автомобилей – все для детей, все во имя

детей!

Но почему все – не во имя высокого в детях, почему нередко во имя низкого? Жить ради детей – это еще не смысл жизни, потому что такое сознание себя часто бессодержательно и всегда стоит на границе с безответственностью.

Жить ради чего в детях? Поставленный так самому себе вопрос заставляет переоценить, пересмотреть многие моменты отношений с детьми и друг с другом. Поставленный так вопрос заставляет по-новому взглянуть и на самого себя, и на свое детство, чтобы понять истоки сегодняшних осложнений, возникающих между супругами.

Осознание собственного детства дает возможность лучше понять себя. Тогда начинается огромная и часто мучительная работа по освобождению от эгоизма в отношениях с близкими. Таинство Покаяния и Причастия, смирение с характером домашних, терпение их неудобного нрава составляют элементы этого труда. Тогда вновь возвращается или впервые обретается то необычное чувство другого, когда внутренним движением души я схватываю, каков он – другой. Каждое мгновение, каждый час, день, неделя перерождается в нечто иное, не похожее на вчерашнее.

И нет большей радости, нет большего спокойствия за че-

ловека, чем видеть это становление и всеучительное участие в нем Промысла Божия. Высокое чувство доверия, тонкое, полное и уравнивающее все мое отношение к другому появляется в сердце и ведет по трудным перекресткам семейной жизни. Тогда вновь приходит и медленно, от Таинства к Таинству, от поста к посту, с годами, наполняет душу бескорыстная щедрость и отданность другому, подобная той, что была в первые дни после свадьбы, но уже ровная, уверенная и сильная. На смену быстрой переменчивости от раздражения к неестественному любвеобилию приходит мягкая душевность. С годами церковной жизни она одухотворяется и наполняет супругов чистым пламенем любви и мудрости.

Семья по мере воцерковления ищет соборности, и приходит к ней. Чувство благословленной полноты в семье приходит тогда, когда знаемые, открывающиеся тебе дарования другого составляют вместе с тобою, одну полноту, одно единое. С годами полнота эта, по мере облагодатствования супругов, по мере высвобождения из уз страстей богодарованных свойств души в каждом из них, становится все более простой, естественной и сильной. Сильной взаимной любовью, мудростью, радушием друг ко другу, и все это – совершаемые в Боге. Соборность от

Бога. Она совершается Его благодатным присутствием. Зрение на дарования другого открываются Его светом. Совет в семье, как признак соборности, совершается Его ми-

ром (мирностью), Его благословением.

Почти все святые отцы Церкви важнейшим смыслом супружества полагают взаимную помощь супругов друг другу в обретении добродетелей. Семья предназначена ко спасению – и мужа, и жены. Без благодати, без участия Святого Духа спасение невозможно. Благодать же стяжается добродетелями. Добродетелями совершаются и Заповеди Божии. Без них человек внутренне остается в неведении, что хочет от него Господь в Заповедях Своих.

Как много людей, весьма просвещенных в богословии, полагают, что они живут по Заповедям Божиим. Но, не имея в своей душе добродетелей, они выполняют Заповеди Божии как некую схему, да еще и на свой лад, не подозревая, что таким выполнением невозможно угодить Богу. Они не радеют о добродетелях в своем нраве, не трудятся над ним, и поэтому своим внутренним человеком далеко отстоят от Господа. Внешне живя вполне церковно, они довольствуются собою и, сформировав навык внешнего церковного приличия, они останавливаются в своем воцерковлении, не идут дальше. Это состояние называется теплохладностью, впав в которую, они со временем начинают откатываться назад.

Важнейшею добродетелью семейной жизни является целомудрие, а уж через нее семья приходит к любви. Начало

целомудрия – чистота. Начало чистоты – воздержание, а высшее состояние чистоты – непорочность и святость.

Целомудрие, по словам преп. Амвросия Оптинского, состоит в том, чтобы «соблюдать целыми все добродетели, наблюдая за собой во всех действиях, словах, делах, помыслах». 4

«Оно, – говорит свт. Иоанн Златоуст, – состоит не только в том, чтобы воздерживаться от прелюбодеяния, но и в том, чтобы быть свободным и от прочих страстей». 5

О чистоте просто и в самое ее существо говорит нам преп. Ефрем Сирий: «Чистота гнушается роскошью, негою, изысканным убранством одежд. Чистота – ненавистница дорогих яств, бегающая пьянства. Чистота – узда для очей, она изводит все тело из тьмы в свет. Чистота поработает плоть, проникает взором в небесное. Чистота – родоначальница любви.

Чистота упокоевается в душах кротких и смиренных и производит Божиих человеков. Чистота расцветает, как роза, среди души и тела и наполняет весь дом благоуханием. Чистота – предшественница и собирательница Святого Духа. О любящем чистоту радуется Святой Дух и подает ему терпение... Чистота приобретает почести не только приснодевиственникам, но и живущим в супружестве». 6

Начало чистоты, как уже было сказано выше, – в воздержании. Блаженный Каллист, патриарх Константинопольский (XIV век), говорит, что «удерживать плотские страсти и взыграния или с разумом устраняться от них можно живущим в миру». 7 Нет сомнения в том, что среди христиан, подвигающихся в миру, есть много воздержных, которые борются с греховными возбуждениями плоти. Например, преп. Иоанн Кассиан Римлянин утверждает из опыта, что те, которые относятся к воздержным, терпят борьбу, преодолевают и побеждают своего противника, но иногда и сами бывают от него уязвляемы.

Но не все просто в супружеских отношениях. И, увы, не всегда удается разделить все внутренние движения – одни направо, другие налево. Как отличить, например, чувство ревности от беспокойства за другого, когда сердце улавливает движение супруга или супруги в эгоистическое самодовольство, когда не к семье, а от семьи идет он (она), когда не состояние ближнего слышатся им или ею, а ищутся свои удовольствия. Как отличить эту боль от боли ревнивца? Как научиться понимать себя и другого?

Эти вопросы на определенном этапе становятся в семье главными. Тогда впервые начинаешь понимать, что путь к умению различать внутренние движения и действовать за-

тем, выбирая лучшие способы помощи другому, лежит через многие бытовые ситуации, создающие условия для глубокой работы над собой. Тогда по-настоящему и начинается путь обретения мудрости. Не рассудочной, а действительно сердечной.

Самый сложный вопрос для многих: как быть с брачным ложем? «Брак у всех да будет честен и ложе непорочно», 8 – слышим мы в ответ. Значит ли это, что супруги, будучи венчаны, могут услаждаться друг другом как им захочется, в том числе впадая и во всякие непотребства? Будет ли Дух Святой участвовать в них только потому, что брак венчан, притом, что супруги будут заниматься блудными услаждениями таким же образом, как в только что просмотренном ими развратном фильме? Возможно, при этом разврат в кино они будут осуждать, а собственный будут оправдывать венчанием. Но по чувственным услаждениям, по характеру их соития разве есть разница между неверующими развратниками и ими, верующими? Если этой разницы нет,

тогда как благодать может в них участвовать? С чем возможно ей сочетаться в душе, переполненной чувственностью и не имеющей ничего возвышающего ее над плотью?

Такое рассуждение приводит некоторых к ошибочному выводу: в семье нет спасения, а Таинство венчания по выходе из храма на том и заканчивается, ибо где же сегодня

найдется семья, которая в брачном соитии будет пребывать вне чувственности? Многие так и считают: «Спасаться могут только живущие в супружестве как брат и сестра. Остальные семьи вне спасения». Этот трагический вывод был бы действителен, если бы не было Церкви, а в ней Премудрого Промысла Божия о каждом человеке.

В Церкви ради обретения человеком чистоты от чувственности Господь поставил пост и молитву. А ради возвышения души над телом в брачном соитии положил человеку заповеди нравственных отношений мужа и жены. Чтобы при этом супруги, радеющие о том и другом, не изъедались скорбью, что соитие их чувственно, простер Таинство венчания на все время их земной жизни. Так что, где бы они ни были и что бы ни делали, если они помнят друг о друге, как о супругах, имеют расположение друг ко другу, попечение и любовь, если имеют веру, чувство благословения Божьего, желание Его помощи, тогда Господь благодатью Своею незримо пребывает с ними, содействуя их благим расположениям и поступкам. Из года в год, воздерживаясь от близости в дни однодневных и многодневных постов и в церковные праздники, супруги отлагаются от чувственности и преодолевают ее. Пребывая в молитве, особенно во время великопостных богослужений, они восходят к чистоте, в которой чувственности нет. Следуя Заповедям Божиим, в чистоте от страстей, воцаряют в сердце друг ко другу заботу, нежность, лю-

бовь, и тем возвышаются над плотью. При таких стараниях веры Господь, простирая Таинство венчания на всю их жизнь до смерти, совершает брачное их ложе нескверным, т. е. не вменяет им во грех чувственность, над которой они из года в год возвышаются любовью. Сами же супруги, в своей церковной жизни трудами над обретением добродетелей и, особенно над обретением чистоты, все более приближаются к состоянию, угодному Богу. Услышать эту чистоту даётся на любом году церковной жизни, а встать в нее обычно получается к двадцать пятому году супружества, от начала церковного. Поэтому в православном народе выделяли эту дату как серебряную свадьбу. Восхождение из этой чистоты к любви совершается последующие двадцать пять лет супружества. Такое угодное Богу состояние, чистое от чувственного, народ и называет золотым и отмечает как золотую свадьбу. Пятьдесят лет полагается семье, чтобы взойти в золотую чистоту отношений друг с другом.

Подготовка к браку на Руси всегда начиналась с раннего детства. Назначение материнства усваивалось девочками с каждым движением матери, в каждом моменте общения со взрослыми. Она – будущая мать. Об этом знают все – и стар и млад, и потому относятся к ней, независимо от ее возраста, согласно ее будущему назначению. Нет, при этом не теряется детство, но оно наполняется глубоким внутренним смыслом, рождающим устремленность души и сердца.

Тогда в каждом сегодняшнем мгновении начинает присутствовать будущее – чистое, высокое и значимое. Одухотворяющая сила устремленности к Богу становится главным источником восхождения к человеческому.

В этой же атмосфере происходило воспитание мальчиков. Отец. Это короткое слово с годами начинает вмещать в себя очень много. Юноша, готовящийся к браку, знает об отцовстве больше, чем о своей профессии. Знает как движения своей души, как стремление своего сознания. Этому не посвящали специального курса обучения, но об этом специально и часто говорили в семье. Во многих домашних ситуациях за годы его становления это было подчеркнуто, не в нравовании, не в нотации, но в отношении к нему как к будущему отцу.

Вероятно, поэтому в таких благовоспитывающих семьях сам момент бракосочетания воспринимается молодыми как акт особого доверия со стороны взрослых – родных и близких. Они вступают в пору зрелости, становятся на первую ступень долгого пути и поэтому клянутся оставаться верными друг другу, как бы ни сложилась жизнь, и какие бы пропасти между ними не возникали.

Через всю церемонию бракосочетания струится этот глубокий смысл совершаемого акта. Именно поэтому веселие

окружающих присутствует рядом с сокровенностью единения молодых.

«Чем ближе к брачному чертогу,

Тем меньше шум и тише смех».

Чем глубже мы всматриваемся в проблемы семейных отношений, тем ярче начинает вырисовываться один факт. Основа человеческого отношения к человеку впервые возникает и действительно закрепляется именно в семье. От того, как понимают назначение семьи взрослые, зависит не только атмосфера и климат семьи, но и то, какие люди выйдут из нее в общество. Здесь, в самой маленькой ячейке общества, фокусируются и становятся предельно конкретными все нити социальных отношений. Как преломятся они – сквозь чуткую обращенность к другому человеку или через утверждение себя в мире – зависит в семье и от отношений семьи к окружающему миру.

Тончайшие и потому самые устойчивые движения души каждого, проявляющиеся как его убеждения, возникают в сокровенном общении с другим человеком. Такое общение, независимо от воли людей, происходит в семье. Основы жизненной позиции людей закладываются чаще всего здесь. Как это ни странно, но через супружеские отношения, через

отношения родителей и детей, в человеке реально воплощаются ведущие идеи общества и времени. История показывает, что так было в прошлом. Действительность показывает, что так есть сейчас.

* * *

Подведем итог нашей первой беседы.

Мы узнали, что Господь из одного человека сотворил двух и тем самым вложил в их человеческую природу взаимное влечение друг ко другу. Это влечение душ, ищущих в единении любви обретения своей полноты. Исполняется оно в супружестве, которое начало и вершина его. «Великое Таинство совершается, – говорит свт. Иоанн Златоуст, – соединяются два человека, и делается из них один».

Совершается таинство любви.

Совершается таинство Малой Церкви, единой, святой, соборной, с рождением детей – апостольной.

Второй вывод состоит в том, что Господь благословляет брак ради нравственной и духовной взаимопомощи друг другу, ради преодоления чувства влюбленности и прочих страстей, ради возрастания в целомудрии, начало которой

есть чистота, а начало чистоты – воздержание, вершина же чистоты – непорочность и святость.

Для совершения целомудрия и чистоты учредил Господь в Церкви пост (воздержание), молитву (богослужение, особенно великопостное), время для исполнения заповедей и простер над супругами Таинство венчания. Благословил мужу быть с женою, как Господь пребывает с Церковью, а жене с мужем – как Церковь с Господом.

Наконец, то, о чем мы будем говорить в следующих главах – разделил одного человека на два, чтобы через их физическое соединение родилось множество людей, и тем исполнилось Его благословение: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1, 28).

Дом – это место, где любят*

«Главным центром жизни любого человека должен быть его дом. Это место, где растут дети, – растут физически, укрепляют свое здоровье и впитывают в себя все, что сделает их истинными и благородными мужчинами и женщинами. В доме, где растут дети, все их окружение и все, что происходит, влияет на них, и даже самая маленькая деталь может оказать прекрасное или вредное воздействие. Даже природа вокруг них формирует будущий характер. Все прекрасное, что видят детские глаза, отпечатывается в их чувствитель-

ных сердцах. Где бы ни воспитывался ребенок, на его характере сказываются впечатления от места, где он рос. Комнаты, в которых наши дети будут спать, играть, жить, мы должны сделать настолько красивыми, насколько позволяют средства. Дети любят картины, и если картины в доме чистые и хорошие, то чудесно на них влияют, делают их утонченнее. Но и сам дом, чистый, со вкусом убранный, с простыми украшениями и с приятным окружающим видом, оказывает безценное влияние на воспитание детей».

Самые прочные узы – это узы, которыми сердце человека связано с настоящим домом. В настоящем доме даже маленький ребенок имеет свой голос. А появление младенца влияет на весь семейный уклад. Дом, каким бы он ни был скромным, маленьким, для любого члена семьи должен быть самым дорогим местом на земле. Он должен быть наполнен такой любовью, таким счастьем, что, в каких бы краях человек потом ни странствовал, сколько бы лет ни прошло, сердце его должно все равно тянуться к родному дому. Во всех испытаниях и бедах родной дом – убежище для души... Дом – это место тепла и нежности. Говорить о доме надо с любовью... В христианском доме должна жить любовь. Он должен быть местом молитвы. Именно в молитве мы черпаем благодать, нужную нам, чтобы сделать наш дом светлым, добрым, чистым...

Жизненно важно значение среды. Мы еще не вполне понимаем, как много значит атмосфера в доме, где растут дети, для становления их характера. Самое первое место для нас, где мы учимся правде, честности, любви, – это наш дом – самое родное место для нас в мире.

За искреннее христианское отношение к семье государыня была вознаграждена горячей любовью, преданностью и предупредительностью детей. Нельзя сказать, что она не приложила к этому никаких усилий, хотя Александра Федоровна не требовала от детей любви как неперменной дани.

«Домострой»*

КАК ПРИЧАЩАТЬСЯ ТАЙНАМ БОЖЬИМ И ВЕРОВАТЬ В ВОСКРЕСЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ И СТРАШНОГО СУДА ОЖИДАТЬ И КАК ПРИКАСАТЬСЯ КО ВСЯКОЙ СВЯТЫНЕ

В тайны Божии веруй, Телу и Крови Божьей причащайся с трепетом в очищение и освящение души и тела, ради оставления грехов и для вечной жизни. Веруй в воскресение из мертвых и в вечную жизнь, поминай Страшный суд – и будет нам всем воздаяние по нашим делам.

Когда же, приготовив себя духовно, с чистой совестью их коснемся – с молитвой святой целуй Животворящий Крест и святые иконы честные, чудотворные и многоцелебные мо-

щи. Да и после молитвы перекрестясь, целуй их, воздух в себе удержав и губами не шлепая.

А если кто достоин, дору и просфиру и все освященное нужно вкушать осторожно, с верой и с трепетом, и крошки на землю не уронить да не кусать зубами, как поступают иные; хлеб, ломая его, кусочками мелкими в рот класть, жевать, губами и ртом не чавкать; и просфиру с приправой не есть, а только воды прихлебнуть или вина церковного в кипяченую воду прибавить, а ничего иного туда не примешивать.

Прежде всякой еды просфира вкушается в церкви и дома, никогда просфиры не есть ни с кутьей, ни с кануном, ни с какою иною добавкой не есть, и на кутью просфиры не класть. А если с кем во Христе целованье творить, то, целуясь, воздух также в себе задержав, губами не чмокать. Подумай и сам: человеческой немощи, чуть заметного запаха чесночного гнушаемся, как и смрада хмельного, больного и прочего смрада, – так как же мерзок и Господу смрад наш и вонь от него – вот почему с осторожностью следует совершать все это.

Глава вторая. ТРИ УРОВНЯ ОБЩЕНИЯ

Не получается у нас. Такое ощущение – еще немного – и разведемся...

А что получается?

Не знаю... Все не получается.

Подождите. «Все» – это ощущение. Оно всегда неконкретно. Оно размыто и расплывчато. И в глубине неясности, которую переживает в эти минуты человек, оно рождает чувство отчаяния, слабости и разочарования. Если отдаться этому ощущению, оно приведет человека к другому, более тяжелому чувству краха. В пустоте души исчезнет всякое желание что-то делать. Справиться с этим будет уже по-настоящему трудно. Как же быть? Как научиться с первых же мгновений останавливать этот процесс? Ответ простой. Верующему человеку нужно верить и уповать на Бога и милость Его. К этому святитель Феофан Затворник наставляет каждого человека научиться сознать себя и ситуацию. Это значит – конкретизировать, неясность ощущений выводить в четкое разумение происходящего в себе. Четкость разумения рождает внутреннее знание – что делать, как поступать дальше. Может при этом не хватить воли, чтобы заставить себя так поступать. Но это уже другой вопрос. Даже частичное сознание снимает состояние тягостной расплывчатости.

Поэтому очень важно не отдаваться своим ощущениям, а попытаться их понять. Ощущение – «еще немного и мы

разведемся» – приходит в результате нарушения отношений между супругами. И вместо погружения в чувство отчаянной беспросветности, может быть, имеет смысл разобраться в причинах, которые разрушают атмосферу в семье. Разобраться, чтобы знать, над чем работать и что созидать.

О человеке, работающем греху и страстям, несомненно известно, что он не возвышается над внешним миром, а напротив, увлекается им, живет в нем, как бы срастворяется с ним, почему и называется внешним человеком, т. е. вне себя живущим, ушедшим из себя. Оттого покусение на ущерб или самый ущерб в одежде, доме, мебели, месте и прочее глубоко потрясают его, поражают в самое сердце.

Не возвышается он также и над внутренним своим миром, увлекается механизмом внутренних своих движений. Обычно говорят: я задумался, или не помню, что со мною было; или: был вне себя от радости, убит горем, в сердцах вышел из себя; или: не опомнишься в хлопотах и заботах: то нужно, другое нужно. «Очевидно, что преданный греху не властен над внутренними движениями, а втеснен как бы в них, влечется ими. И это не на один только час, а постоянно. Ясного сознания у него быть не может. Его и нет. В гордости он никого не считает выше себя, а между тем сам себя слабо сознает». 9

В поисках ответа, как не ссориться, начнем с самого простого – с общения.

В общении супругов немалое место занимают беседы. Умеем ли мы правильно вести их? Получается ли быть в них действительным слушателем? Этот вопрос однажды становится вопросом центральным. Каким-то шестым чувством супруги начинают улавливать, что строительство семьи будет разваливаться до тех пор, пока они не научатся слушать друг друга. Что же это такое – слушать?

Вечером, за ужином, супруги разговорились. Незаметно набрали на тему, волнующую обоих, и с каждым новым словом стали укрепляться в одном чувстве: у каждого есть, что сказать по теме разговора. С этим чувством, как само собой разумеющееся, возникло желание у него: себя донести ей; – у нее: себя донести ему. Закончилась беседа неожиданно, но привычно:

Все. Надоело. Делай, что хочешь, думай, как хочешь. И вообще, ищи себе другую жену, – сказала она.

Ничего, как-нибудь с тобой переживу, – ответил он. – Не тебе за меня решать.

Они расходятся в разные углы и в течение дня пережива-

ют, каждый по-своему, произошедшую ссору. Чтобы подобного не происходило в иных случаях, оба начинают соблюдать древнее правило: дослушивать другого до конца. И, тем не менее, разговор нередко заканчивается глубокой неудовлетворенностью друг другом.

Невольно возникает вопрос: почему же так происходит?

Если внимательно всмотреться в переживания любого из нас в те минуты, когда мы слушаем другого, обнаружится следующее:

С этим я согласен, и с этим тоже. А с этим... нет.

Мне немедленно хочется возразить ей, поправить ее, но, соблюдая правило, я сдерживаю свой порыв, продолжаю слушать. Здесь я с чем-то не согласен. Не пойму, с чем. Понял. Вот с чем не согласен. И вновь острое желание прервать ее монолог:

Чепуха все это. Ты не понимаешь сути того, что говоришь.

И стоит огромного труда унять себя, сохранить на лице благообразное выражение слушателя. Наконец, она закончила.

Ты... все сказала?

Все, – отвечает она и, мягко улыбаясь, с внутренней удовлетворенностью смотрит на меня и ждет.

Ну, тогда слушай...

В едином взмахе упоения собой я разнесу вдребезги все ее неточности и неправильные, на мой взгляд, представления. Затем, разгоряченный, раскрасневшийся, я некоторое время буду бегать по комнате или уйду к себе и тихо буду переживать произошедшее. Как теплые звездочки, будут вспыхивать в памяти отдельные, почти гениальные фразы, удачные мысли, неожиданные сравнения и яркие факты, с помощью которых я утверждал в ней свое миропредставление. Невольно будет пробегать в душе и на лице ласковая и чуть застенчивая улыбка, рожденная сознанием своей одаренности или ловкости. Не всегда эта одаренность проявляется, но сегодня... так неожиданно и так блестяще...

А что с ней? С чем она осталась? С какими чувствами, в каком состоянии?

А о ней я как-то... не успел еще подумать. У меня же другая задача была. Себя донести ей. И с этой задачей я прекрасно справился. При чем же тут ее состояние?

Самое удивительное заключается в том, что в этой уверенности самоутверждения я не замечаю и не сознаю одного простого факта – рассказчик мною не был услышан.

Изначально я настраиваюсь отнюдь не на то, чтобы слушать. Как раз напротив, во мне разворачивается другое действие, противоположное слушанию. Возникает чувство – у меня тоже есть, что по теме сказать. И это не просто чувство. Внимая собеседнику, я не только не сбрасываю со счетов свои представления. Напротив, в моем сознании они предельно актуализированы, выточены, проявлены. Физически я слушаю – ухо мое ловит звук, идущий от говорящего. Но в сознании своем я сравниваю и... поэтому не слышу. Я занят другой работой.

Слушать, внимать – это одно действие. К кому оно направлено? К ближнему.

Совсем другое – свое сравнивать с тем, что мне говорят. В результате возникает с чем-то – согласие, с чем-то, наоборот, – несогласие, а что-то третье расширяет мои представления.

Нередко супруг или супруга говорит мне нечто такое, с чем я еще не встречался и в личном опыте не пережил.

Так будет во всякой семье. Уже потому, что двое, соединенные в браке, пришли из разных семей, они имеют разные обычаи и традиции, принесенные каждым из своей семьи. В этих обычаях может быть немало полезного и правильного. Разве что всегда непривычного, но и только. Больше того, каждый имеет непохожий на другого жизненный опыт, неведомый другому.

Третье – супруги разнополюсы и восприятие мира у них разное. В супружестве оно должно стать взаимодополняющим. Этому-то и нужно еще научиться.

Наконец, каждый супруг уникален как человек, как чадо Божие, и Господь наделил его по Своей любви дарованиями особенными, неповторимыми. В супружестве эти особенности должны проявиться и принести в семью богатство человеческого нрава, которым семья совершится в лад и полноту, обретется в соборности своей Малой Церкви.

Все это может оказаться для меня недоступным. Оно протечет через меня как вода через сито – зацепиться будет не за что. Потому что уникального в ней я не могу слышать, замечать, а часто и не желаю слышать или замечать. Ибо мое сознание занято вовсе не встречей с нею, а утверждением или подтверждением себя для себя. Я себя с нею сопостав-

ляю и сравниваю, чтобы иметь четкое представление, с чем Я согласен, а с чем нет. Для меня важно определить свою позицию по отношению к сказанному. Для этого привычно и безотчетно включается механизм сопоставления, и складывается собственное мнение. Оно самоценно, ибо за ним всегда стоит утверждающее себя себялюбие.

В результате из сказанного целого я могу воспринять только часть. Во всем этом слышно одно – нет вкуса собранности. Нет и желания его. Нет и труда к нему.

Есть и еще одна причина неполного восприятия собеседника. Это моменты моих собственных напряжений или размышлений. Занятый самим собою, я всех ее слов не мог слышать.

Если внимательно присмотреться к собственному состоянию в ходе всего общения с собеседником, окажется, что таких моментов переключения внимания с собеседника на себя очень много. Я слушал собеседника, но многое не услышал. Я прослушал. К сожалению, в таких случаях мне невозможно доказать, что я чего-то не услышал.

Остановись, послушай, я ведь совсем о другом.

Но что-то упорно мешает эту остановку сделать. И лишь

однажды случайно обнаружится, что мешает внутренняя установка – прежде всего себя донести другому. Даже там, где я слушатель, эта установка сохраняется как скрытый смысл моего отношения к говорящему.

Не отсюда ли энергия интонаций, давление голоса, напряжения памяти и ума, проявляющих себя в эти минуты особым, порой выдающимся образом. Действительно, в этом стремлении донести себя другому рождаются мысли, которым иной раз удивляешься сам, сравнения, поражающие своей точностью, факты, неожиданно и как бы блестяще воспроизводящиеся в памяти. Сопротивление собеседника рождает очень сложную гамму эмоций: от азарта игрока, не желающего сдавать позиций, до раздражения, досады и гнева на собеседника.

Неизвестно откуда появляется способность иронизировать, появляется и царственная снисходительность, и едкое обличение, и яд сомнения, и многое другое.

Только одного не будет во всем этом «блеске». Желания открыть обсуждаемое событие для себя ее глазами. И поэтому, сам того не сознавая, я не замечу в ней веры в то, о чем она говорит. Не замечу, что в каждой фразе она, по крайней мере, не сомневается, потому что она так видит, так чувствует, так думает. Не пойму, не уразумею, что если бы не бы-

ло в ней этой уверенности в собственном видении мира, она не смогла бы говорить со мной открыто и легко. Не услышу при этом и дыхания Божьего благословения, через которое мы могли быть сейчас едино.

Такая установка на себя как основа моего общения порождает и соответствующий механизм восприятия собеседника, сопоставление с самим собой. С этого момента и начинается подмена настоящего общения общением усекающим.

Что это такое? Собеседник в своем содержании всегда несет три составляющих. Одно – то, что я слышу. Второе – то, что прозвучало, но я не услышал. Наконец, третье, самое важное – его попечение. То есть, любой говорящий, за словами, которые он произносит, имеет еще попечение – либо о том предмете, о котором он говорит, либо о людях или делах, ради которых он говорит, либо ради собственного самоутверждения, либо ради Бога, чью волю он сейчас хочет узнать и ищет. Попечение это не всегда прямо выражается в словах или обычно не всегда ясно звучит, а чаще безотчетно для говорящего присутствует прикровенно. Но именно оно и составляет центр его жизни. Там, где на уровне попечений собеседники не слышат друг друга, там и возникают наиболее сильные напряжения, противостояния, вплоть до полного обессиливания и изнеможения друг от друга или, наоборот, впадения в непроизвольную досаду, ярость и нена-

висть друг ко другу. В то же время, если собеседники вслушиваются в попечения друг друга и слышат их, и откликаются на них, там начинается движение к единодушию. Даже если один из собеседников это делает, единодушие уже будет обретаемо. Сколь драгоценно это качество, мы узнаем из поучений преподобного Аввы Дорофея. Он называет единодушие матерью всех добродетелей. Потому что в нем зарождается в человеке всякая забота о другом. И этою заботою он развивается, чтобы совершать Заповедь Божию о любви к ближним.

Авва Дорофей, рассказывая о себе, дает нам почти недосягаемый образец деятельного отклика на нужды и попечения ближних, чем он и трудился над выполнением заповеди о любви к ним. Вот этот рассказ. «Когда я был в общежитии, игумен сделал меня странноприимцем; а у меня незадолго перед тем была сильная болезнь. И так (бывало) вечером приходили странники и я проводил вечер с ними; потом приходили еще погонщики верблюдов, и я служил им; часто и после того, как я уходил спать, опять встречалась другая надобность, и меня будили, а между тем наставлял и час бдения. Едва только я засыпал, как канонарх будил уже меня; но от труда или от болезни я был в изнеможении, я не помнил сам себя и отвечал ему сквозь сон: хорошо, господин, Бог да помянет любовь твою и да наградит тебя; ты приказал, – я приду, господин. Потом, когда он уходил, я опять

засыпал и очень скорбел, что опаздывал идти в церковь. (Тогда) я упросил двух братьев, одного, чтобы он будил меня, другого, чтобы он не давал мне засыпать на бдении, и, поверьте мне, братия, я так почитал их, как бы через них совершалось мое спасение, и питал к ним великое благоговение».

10 Таков деятельный отклик святых. Мы же, слушая или читая о них, обычно оставляем прочитанное за границами своей собственной жизни. У нас нет времени остановиться, задуматься над собой, сопоставить себя с прочитанным, чуть-чуть хотя бы сообразоваться с услышанным. У нас нет к этому навыка, нет вкуса. Возможно, что и сейчас, бросив слова Аввы Дорофея в заботу нашей памяти или легкого впечатления, побежим по тексту дальше. Возможно, что уже и побежали. Тогда, в повседневном общении, неправильный механизм обращения с ближними, а в данном случае слышания их остается при нас и становится нередко причиной тяжелых переживаний, больших и малых ссор. Фраза супруги, схваченная не так, как она в действительности прозвучала, а так, как я ее понял, порой рождает во мне бурю досады и раздражения. И лишь после серьезного разбирательства выясняется, что я ее понял неправильно. С другой стороны нередки ситуации, когда такое разбирательство ни к чему не приводит, а лишь усложняет общение. Тогда со временем проявляется молчаливый супруг или супруга, несущий в душе боль непонятости и незаслуженно полученного обвинения, и, одновременно боль за другого, не менее страдающего от невер-

ного истолкования услышанных слов. Эта, с обеих сторон переживаемая боль, приносит в семью напряжение отношений и унылую атмосферу. При этом супруги будут оба молчать и носить в себе разъедающую боль. И это при том, что с одной стороны будет сострадающее ожидание и молчаливость, с другой – бесконечная раздражительность.

Но есть иное. Каждый, кто был в общении с детьми, знает об этом. Это иное присуще детям. Вот ребенок слушает интересный рассказ взрослого. Распахнутые глаза, полуоткрытый рот, устремленное лицо. Ребенок в эти минуты принимает взрослого таким, каков он есть – целиком, без какого бы то ни было сопоставления с собой.

Интересно, что взрослые тоже умеют так слушать другого. Однажды психологи поставили скрытую камеру в зрительный зал кинотеатра. Шел фильм, пользующийся особым успехом у зрителей. Зал был переполнен. Когда затем пленка была проявлена и снятые кадры появились на экране в лаборатории, исследователи увидели поразительную картину. Десятки распахнутых глаз, полуоткрытых ртов и устремленных к экрану лиц. В эти минуты ни о каком сопоставлении не могло быть и речи. Все, что происходило на экране, принималось как целое. Подобное же иногда происходит в театрах, концертных залах, картинных галереях, перед телевизором, видео, при чтении книг. Происходит иногда, потому

что не каждому режиссеру, не каждому автору передачи или книги удастся с первых же минут общения увлечь зрителей, слушателей и читателей настолько, что последние забывают о себе и безраздельно отдаются тому, что предлагают им с экранов, с полотен картин или со страниц книг. В эти минуты человек не замечает, где и как выключается механизм сопоставления, не замечает, потому что бывает увлечен.

Незабываемо состояние после каждого такого фильма, спектакля, передачи или книги. Что-то большое, бесконечно богатое, невыразимое словами несем мы в себе, всей душой испытывая состояние перерождения, становления себя другим. В эти минуты ни с кем разговаривать не хочется, одно только желание поглощает нас – побродить в уединении по пустым улицам, по тихим аллеям парков, посидеть в тишине комнаты. Удивительно, что порой в эти минуты с особенной силой начинаешь ощущать свою приобщенность к миру, сокровенную, благословленную Богом, глубокую связь с ним.

Мир дышит, благодатно живет. И это дыхание жизни чувствуется всею душою, каждой ячейкой сознания. В эти минуты понимаешь, что в твоей жизни произошло нечто значительное. Произошла встреча.

А в семье? Здесь состояние встречи знакомо каждой па-

ре супругов. Когда-нибудь оно было пережито ими. Пережито не в опосредованном общении через книгу, экран или сцену, а в непосредственной беседе друг с другом. Действительное слушание рождает сокровенную тональность общения. Разговор и беседа текут не из стремления себя донести, но из душевной щедрости собеседников, глубокой расположенности их друг ко другу. Вряд ли сами они в эти минуты сознают, что с ними происходит. Напоенные чувством расположения, наполненности и востребованности друг в друге, они живут тончайшими переливами душевых движений. В эти моменты ни один из них не скажет, когда общение богаче – в молчании или в беседе. Они могут говорить на очень простые житейские темы и не в этом будет суть. Потому что суть в таких случаях заключается в истинной человечности ситуации слушания. Какая еще встреча может наполнять супругов столь же жизнеутверждающим чувством обретения целого.

Я не один. Нас двое. И мы одно. Доверительность другому и другого мне, тончайшая соединенность во взаимоподдержке и чувство полной защищенности в мире – все это становится бесценным достоянием супругов в каждой такой беседе, в каждой такой встрече.

При этом в таком общении само слушание также проходит два этапа – воспитания и осмысления. Только воспри-

нимаются здесь не части, а целое, и потому осмысливаются не части, но целое. В этом принципиальная разница общения самоутверждающегося, рождающего атмосферу соперничества, и общения расположенного, в котором каждый утверждает другого и в котором действительно и впервые рождается сотрудничество.

Братолюбием друг ко другу любезными быть, заповедует нам Апостол Павел (Рим.12:10).

Святитель Феофан Затворник раскрывает апостольские слова в трех расположениях сердца, которые необходимо обрести всякому христианину, тем более семьянину. Первое из них – «благорасположение, или ощущение удовольствия от присутствия и общения с другим. Сим чувством указывается сердечный союз. Он же есть верный и самый тонкий свидетель и признак любви истинной, полной, зрелой. Кому неприятно быть с кем, в тех и любви нет: они разъединены.

Второе – благожелание. Оно – естественный плод расположенности. Оно изъясляется участием во всем, что касается другого, сочувствием тому, принятием к сердцу, с соответствующую тому радостью или болезнованием, и порывами на помощь и содействие. Благожелание обнимает все движения доброго сердца для других.

Третье – попечение. Истинное благожелание услаж-

дается благом другого и порывается на помощь и содействие нуждающемуся, почему рождает из себя деятельное и заботливое попечение о благе другого». 11

Супружество дает неиссякаемую возможность осуществления всех трех проявлений любви друг ко другу.

Когда мы столь подробно всматриваемся в механизм человеческого общения, может возникнуть одно сомнение – не убьет ли такое исследование самую жизнь? Когда мы вступаем в общение с другим человеком, что-то очень серьезное и часто не сознаваемое происходит с нами. Оно происходит само собой, неизвестно как. Да и почти не бывает таких моментов, когда бы мы задумывались над происходящим, когда бы мы начинали искать причины наших радостных или горьких переживаний. А если кто-то предлагает задуматься, сразу возникает охлаждающее – зачем? Разве это плохо – полнота переживаний, и не эта ли полнота и есть понастоящему жизнь? А если мы начнем разбираться в причинах наших переживаний, не возникнет ли ощущение сухости, объясненности каждого мгновения? Анализ убьет и иссушит полноту и богатство жизни. Придет скука и привязанная к ней тоска по непредсказуемому, зовущему необъяснимостью переживаний.

На первый взгляд эти доводы кажутся убедительными,

но опыт жизненных наблюдений с годами рождает другое отношение. Однажды приходит разумение, что анализ бывает разный. Например, такой, который не только не выхолащивает жизнь, а, напротив, разворачивает скрытые, неизвестные до этого ее богатства. Возможно, это нельзя уже назвать словом «анализ». Это нечто другое – большее. Потому что в минуты, когда оно проживается, внутреннему взору открывается беспредельное. С этого момента я не просто верю, что жизнь в своих проявлениях бесконечно глубока. С этого момента я это знаю.

Глубина общения человека с человеком, глубина взаимопроникновения зависит от многих факторов. И, тем не менее, во всяком общении ведущим фактором остается сам человек, его готовность, его желание и умение выходить сразу на глубокое общение. Это не значит, что поднимаются трудные проблемы и высокие темы, требующие глубокого логического анализа или больших и серьезных обобщений. Разговор будет легким, пересыпанным шутками, неожиданными ассоциациями, будет искриться доброй иронией друг над другом, неожиданным смехом, мягко и незаметно переходящим в молчаливую сосредоточенность, а последнее снова будет прервано шуткой, казалось бы, разбивающей наступившую серьезность, а на деле, уводящую собеседников от разговора о чем-то третьем, логически-рассудочном, возвращающую их в непосредственность общения друг с дру-

ГОМ.

Не уровень темы, не глубина раскрытия проблемы определяют человеческое общение. Более того, и то, и другое часто не имеют никакого значения. Есть множество семей, в которых тема разговора не поднималась выше бытовой повседневности, не выходила за рамки домашнего хозяйства, работы и бедного ассортимента развлечений, которые есть, например, в отдаленных от культурных центров селах. И, тем не менее, они знают полное и глубокое общение друг с другом.

Бытует мнение, что богатство человеческого общения зависит от эрудированности, образованности собеседников, от того, знают ли они или не знают современных художников, знакомы или нет с произведениями классики, следят или нет за ходом развития современной мысли, разбираются или нет в современной прозе или поэзии, в ведущих научных идеях и т. д.

Отсюда невольно формируется образ будущего жениха или невесты, умеющего вести беседу на высоком одухотворенном уровне, начинается поиск такого общения, рождается желание самому стать способным к таким разговорам. Отсюда появляется стремление наполнить квартиру книгами, репродукциями, журналами, музыкой, техникой и т. д.

Но... квартира может быть наполнена удивительными творениями человеческого разума, сами супруги могут быть интереснейшими собеседниками в кругу друзей, на работе, просто на улице... Только не дома. Вся эта огромная информация, которую каждый из них содержит в себе и несет окружающим людям, оказывается совершенно не нужной в общении их друг с другом.

Чего-то другого, по человечески простого, ласкового и любящего хочется дома. Не нужно блистать эрудицией, не нужно глубоко разбираться в проблемах, нужно просто побыть в щедрых лучах человеческой заботы и внимания друг к другу.

Нужно хоть один час побыть в атмосфере душевного единства, взаимоподдержки, чтобы, вдохнув эту живительную силу человечности, нести ее другим людям. Тогда рождается чувство тыла, наполняющее спокойной уверенностью каждого из супругов. Лишь испытав, человек начинает понимать, какой укрепляющей силой обладает это чувство.

Есть такое выражение: жизненное пространство. Оно может быть пустым или наполненным. Его нельзя наполнить информацией, оно наполняется только теплом человеческого участия. Обрести в семье душевное единство, значит,

прийти к наполненности жизненного пространства таким теплом. Эту-то нравственную душевную наполненность Господь благословляет, напоет Своим присутствием, придает ей дыхание тайны, делает непостижимым и внерациональным. С чего же начинается движение к этому душевному общению? Начинается с умения слушать другого.

Можно выделить три уровня общения; информативный, человеческий и причинный – три уровня слышания.

Там, где присутствует стремление донести себя другому, люди неизбежно впадают в информативное общение. В этом случае собеседник, обладавший своей индивидуальностью, как человек исчезает. Он становится для меня, грубо говоря, либо источником, либо приемником информации. В обоих случаях во мне работает потребительский смысл. В первом мною стяжается информация, во втором – его расположенность ко мне и уважение.

Совсем иное на человеческом уровне общения. Здесь центральным, на чем сосредотачивается мое внимание, является состояние души собеседника.

...Она пришла с работы молчаливая, подавленная каким-то трудным, мучительным переживанием.

Что-то случилось?

Да так...

Около часа она молчала. Переделалась, наскоро приготовила ужин, позвала всех к столу. Тягостно тянулось время. Дети притихли, проглотив свои порции, убежали в комнату.

Что-то на работе?

Она стала говорить. Со слезами в голосе, прыгая от фразы к фразе, путая мысли и не умея подобрать нужные слова. Странно, но в эти минуты не возникало требования к ней – говорить связно. Логичность и законченность речи были не важны. Волновало другое – ее переживания произошедшего. Не рассудком это улавливалось, но собственным расположением души. Тогда начинало слышаться каждое движение ее внутреннего состояния, сопровождающее ту или иную фразу, те или иные слова. И в ответ рождалось сострадающее участие, щедро наполнявшее каждое слово теплом и лаской сопереживания. Успокаивала ее именно эта одушевленность слов, а не сами слова. Только нам двоим в эти мгновения было понятно, насколько схваченное, уловленное нами движение человечности было больше, богаче и насыщеннее, чем все сказанное с обеих сторон.

Подобное же происходит с матерью, когда она склоняется к колыбели, где плачет и мечется ребенок, еще не умеющий говорить, но к чему-то зовущий свою мать. В сердечном напряжении, с мучительной тоской по чему-то, спящему в себе, мать приникает к ребенку и вдруг начинает понимать, всей собою знать, чувствовать, о чем он ее просит. Если вы ее спросите, как она поняла, она смущенно пожмет плечами или ответит прямо:

Сердце подсказало...

Это не уклонение от ответа и не аллегория. Это правда. Без сомнения, это трудно уразуметь там, где нет личного опыта такого переживания. Но многие матери это знают.

Быть в таком состоянии открытости на человеческое переживание – это и значит быть действительно слышащим другого. Тогда чуткость и внимание становятся естественными качествами супругов. Никакими другими способами, кроме как научиться слышать другого, воспитать их в себе нельзя.

Не себя нести другому, но другого услышать. Тогда не будет пропущена радость другого, а каждое движение горя и отчаяния будет замечено.

Годы совместной жизни приводят супругов к третьему

уровню общения – причинному. Когда в каждом сегодняшнем состоянии, переживаемом одним из них, схватывается другим вся цепь причин и следствий, приводящих к тому, что происходит в душе первого. Многогранное знание друг друга позволяет супругам по каким то незаметным постороннему взгляду штрихам определять начало негативного переживания в одном из них и, упреждая, снимать его им одним известными способами, порой странными и наивными для окружающих, но всегда безошибочными для самих супругов. Неторопливость, рожденная мудростью, всеохватным видением каждой ситуации становятся их свойством. Готовность к подстраховке без всякого специального напряжения и мягкие (полумысль, полужраза, полунамек) способы этой страховки создают удивительную атмосферу общения их друг с другом и с окружающими людьми. Тогда каждый из них внутренним чувством улавливает в ежеминутном движении человеческих переживаний другого, ровный и спокойный поток жизненной мудрости, формировавшийся долгие годы и теперь несущий в себе опыт многих ситуаций. Чувство этого потока, движущегося в другом, рождает спокойную уверенность за него. В каждом из них соединенное с бескорыстной преданностью другому оно дает непокидающее ощущение умиротворенного соприсутствия друг в друге. Облагодатствованная глубина этого взаимослышания друг друга, так просто присутствующая в них, остается великой тайной для всех, кто живет вне их семьи.

В развитии от информативного общения к причинному уровню супружеских отношений и протекает жизнь семьи, правильно понимающей назначение своего союза.

Святитель Феофан Затворник ради таких отношений вменяет в упражнение и обретение каждым христианином целого ряда качеств, без которых и угодить Богу невозможно. Первое из них —

«искреннее радушие, т. е. от сердца принимать всякого, чувствовать себя истинно осчастливленным встречей с другим, радоваться ему от души.

Второе – любезность, т. е. надо сделать так, чтобы другому с нами было хорошо, чтобы он оживал в общении с нами. Для этого нужны сговорчивость, приветливость, ласка и простота. Противный сему человек есть тяжелый. И сам тяготится, и других тяготит.

Третье – скромность. Свои преимущества скрывать, напротив, другого возвышать над собою. Противная этому – педантство, спесь, чванство.

Четвертое – кроткое миролюбие. Ни сам оскорбляйся, ни другого не оскорбляй, а умей содержать сердце свое в союзе с другими. Противны этому оскорбительность, вспыльчи-

вость, гневливость, взыскательность, непримиримость.

Пятое – уступчивая тихость. Тихонравный не то, чтоб не любил истины, но, открывши ее, скромно уклоняется от упорной настойчивости там, где не совсем любят истину, ради ненарушения мира, в ожидании благоприятнейшего ко вразумлению случая. Противны этому вздорность, неуступчивость, спорливость, бранчивость.

Шестое – истинолюбие. Откровенно и истинно выставляй вещи так, как они есть и как убежден. Лукавая ложь, обман, хитросплетение суть дела чисто бесовские.

Седьмое – благоразумное слово. Цель взаимобращения не одно удовольствие, а, главным образом, взаимное созидание во благо. Противно этому праздное пустословие, одни только шутки да остроты.

Восьмое – хранение тайн. При взаимном общении беспрерывная происходит мена мыслей и сведений. Для сохранения мира, что узнал, не переводи другому без нужды, особенно, когда это может быть вредным. Тот, кто передает кому-либо тайну, не только не благоразумен, но и есть и бесовестный предатель». 12

Труд над обретением истинных и глубоких отношений

между супругами может спотыкаться на множество помех, центральная из которых – готовность слышать прежде всего себя, но не другого, превознесение значимости прежде всего своих общественных и профессиональных дел, но не дел другого.

Тогда порою после очередной ссоры вырываешься из дома, бросив жестко и веско:

– Хватит на сегодня. Мне некогда, – а сам переживаешь близкое к мукам совести и идущее из самых глубин души чувство собственной вины. Это чувство долго будет разрушать наступающее было состояние умиротворения в своих делах и забывчивость о нанесенной боли другому. И лишь однажды, в тщетных борениях с этим чувством, вдруг осознаешь, что именно оно и есть настоящее, истинное мое «Я», которого я не хотел слышать, но которое всегда было и есть во мне, полурастерянное и задавленное темпом моей жизни.

В погоне за результатами своих деяний я перестал слышать людей, я потерял чувство человечности и теперь не понимаю уже, зачем и для кого предназначаю сами результаты своих дел. В эти минуты становится предельно зримым самообман – самооправдание, заключенное в формуле «я живу для людей». Внутреннему взору вдруг открывается убогая абстрактность такой жизни, порожденный не чем иным, как

самоутверждающимся моим «Я», т. е. «Я», которое занято утверждением себя в обществе (неважно в каком – в виде целого города или в виде малой своей группы, в Церкви или вне Церкви). А потому этому «Я» дела нет до отдельных людей, которые это самое общество составляют. Члены же семьи в сознании такого «Я» могут и вообще выпасть за пределы всякого общества. Возникает бесчеловечная позиция, которая мною не сознается и превращается во внутреннее, воспринимаемое как естественное (а значит нормальное) движение меня самого: именно через утверждение себя над каждым отдельным человеком я могу утвердиться в обществе. Что я на сегодня и делаю.

Так проходит мимо меня множество людей. В том числе супруг или супруга, мои родители, дети. Не потому мимо, что так пожелали они сами, а потому, что я их не услышал. Более того, как-то и не думал, что услышать их можно...

Но каждый раз, когда близкий человек начинает что-то мне говорить, он делает это не потому, что сработал в нем какой-то механический переключатель. Каким бы информативным ни было его сообщение, рассказывая, он что-то переживает, как-то к этому относится. Как? Слышу ли я? Более того, он заговорил об этом не вчера и не завтра, а именно сегодня. Значит, есть этому скрытые причины. Слышу ли я их?

Движение к мысли, которую он высказывает сейчас, началось не теперь, много раньше. И было и есть оно не только движение мысли, а движение самого человека, его собственное становление, отраженное в словах. Слышу ли я это живое движение каждый раз, когда вступаю в разговор?

А если слышу, вхожу ли в со-участие, в со-движение с ним? И не происходит ли в моем беге по жизни бег вдоль и мимо живого, когда в общении с близким человеком обнаруживаю и готов видеть лишь вершинку айсберга. Все остальное, что сокрыто под водою и что составляет основное содержание ледовой глыбы, скрыто и для меня, а часто мною и не подозревается.

Устремиться в слушании собеседника, в каждом моменте общения с ним, от информативного уровня к причинному однажды становится задачей первостепенной. С этого начинается работа по становлению человеческих отношений между супругами. Она подвигается желанием и вкусом благодатного присутствия Бога в семье. Если ты угождаешь Богу, будет мир на твоём сердце и чувство, что ты «долголетен будешь на земле» будет в тебе. Потеря присутствия Бога возникает всякий раз, как кто-либо из супругов расстроил другого, всякий раз, когда совесть начинает укорять и покаянием скорбеть к Богу. Напротив, присутствие Бога будет то-

гда, когда супруги будут смиряться перед обязанностью хранить мир в доме, смиряться перед долгом быть полноценным супругом в доме, перед необходимостью быть полноценным родителем своим детям. Все это найдет свое благодатное отражение в беседах супругов между собою. Остановимся теперь немного на внутреннем механизме беседы супругов. Рассмотрим три принципиальных различия между сопоставлением и действительным слушанием.

Первое. При сопоставлении восприятие и осмысление происходят одновременно. Услышав первую мысль, высказанную собеседником, я немедленно начинаю сопоставлять с тем, что сам по этому поводу знаю. Одновременно я продолжаю внимать дальнейшему ходу мыслей собеседника, что-то уже упуская, что-то понимая по-своему.

Второе. При сопоставлении процесс осмысления частей по внутренней работе, производимой мною, есть то же сопоставление, в котором рассудок производит членение (анализ), сравнение с уже известным мне, проверку на логичность, обоснованность и прочие формально-рассудочные операции.

При слушании процесс осмысления целого – это уже не логические операции, это уже проживание. Я выхожу из кинотеатра и долгое время живу фильмом. Нет анали-

за, нет соотношения, нет рассудочного размышления. В разуме души и духа происходит во мне что-то большее, которое включает в себя и то, и другое, и третье, но не ограничивается ими. Больше того, оно даже в основе своей не просто сумма этих проявлений работы внешнего сознания, это нечто совершенно иное. Здесь и переживание, и размышление, и сокровенное предчувствие разворачивается во мне не как объект моего исследования, а как я сам. Именно поэтому проживание или начало сообразования есть изменение меня самого, есть становление меня другим. Я не просто начинаю понимать, не просто себя сознавать, я начинаю разуметь, т. е.

реально и очень конкретно становлюсь другим, таким, который в жизни будет поступать уже не так, как раньше, а иначе, потому что по-прежнему поступать уже не может.

В одной колонии для несовершеннолетних преступников было проведено собеседование с подростками. Картина, которая при этом открылась, была парадоксальной. Оказалось, все колонисты знают, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Нашлись среди них и такие, которые могли не только дать определение «плохому и хорошему», но и развернуто доказать преимущество хорошего над плохим. Во время доказательства подростки увлекались, начинали говорить пристрастно и горячо. Вопрос «Почему же в реальных поступках, из-за которых вы попали в колонию, вы оказались

не „хорошими“, а „плохими“?» – заставлял их врасплох. Они терялись, и в большинстве своем не находили что ответить.

Подобная картина открылась и в целом ряде воскресных школ и православных гимназий.

Причина чаще всего была в одном: «хорошее» не было ими прожито. Рассудочное осмысление – это они прошли. Проживания не было. А вернее, то, что было проживанием, по содержанию было как раз «плохим». Я знаю детей, которые после просмотра фильма «Трактир на Пятницкой» долго жили впечатлениями от ловкости воровства, которую показал главный герой фильма Яшка. Захваченные сильным впечатлением, дети настолько активно жили фильмом, что неоднократно попадались на «живой краже», т. е. краже прямо из кармана или сумки. Все остальные содержательные моменты фильма были ими просто не поняты. Вопрос «В чем смысл фильма?» ставил их в тупик. Вероятно, поэтому некоторые из них даже не помнили, чем фильм закончился. Один мальчик ради этого сильного для него момента фильма смотрел девять раз, каждый раз приходя в восторг от ловкости кражи.

Из сказанного легко заключить, что слушание другого человека всегда выливается в глубокое, в разуме совершающееся, проживание, которое отражается на всех поступках че-

ловека. В отличие от этого, сопоставление, при всей видимости слушания собеседника, только утверждает меня в том, что уже есть во мне. Здесь развитие вымещается самоутверждением.

Наконец, третье различие. Оно заключается в длительности осмысления. При сопоставлении осмысление частей может продолжаться час, день, неделю, иногда месяц. Воспринятое анализируется, делаются выводы и на этом ставится точка. Часто же сопоставление прекращается сразу, как только мы заканчиваем разговор с собеседником. Нам будто бы нет необходимости осмысливать то, что мы уже «осмыслили» в ходе самой беседы. Поэтому нередко мы вообще забываем содержание нашего разговора, либо сразу после завершения его, либо спустя некоторое время. А может быть иногда нам нет дела не столько до разговора, сколько до самого собеседника?

Совершенно иначе обстоит дело там, где есть слушание. Оно всегда есть переживание встречи с человеком, открывающее в нем его самого, ему и мне незнакомого. Обретающее его в новом уже потому, что это знакомое открывается и создается в процессе самой встречи. Чувство новизны – это по сути переживание сокровенной способности человека – творить жизнь в ходе самого общения. Это одновременно и чувство благодатного присутствия Божия, ко-

гда Господь преобразует движения души человека. Человеку только нужно идти за этой переменной своего отношения к ближнему – в потепление, в примирение, в радость о нем, в желание быть с ним творчеством жизни, творчеством общения. Когда дух животворится Господом, тогда душа потепляется к ближнему. Это животворение духа нужно сохранить на всю жизнь как вечный источник открытого и развернутого, обращенного к другому общения. Сохранить не как воспоминание, но как действительное движение души и духа, во Христе творящих каждую новую встречу.

Иногда бывает, что двое после длительного тесного общения вдруг разъезжаются в разные города или просто перестают встречаться. Поссорились ли, обстоятельства ли жизни так сложились. Разное случается. Проходят месяцы, годы и... странное дело – впечатление о человеке, которого долго не видишь, меняется. Словно в озарении высвечиваются в памяти все новые и новые грани его образа. Раньше я их не только не видел, но и не подозревал их присутствие. Теперь на расстоянии вижу. Иногда перемена моего видения человека бывает столь сильной, что с какого-то времени я начинаю искать с ним встречи. Искать встречи с новым, другим для меня человеком, не с тем, с кем я поссорился год или два назад.

Подобное же, но в виде мгновенного перерождения, про-

исходит с нами в ту минуту, когда мы слышим известие о смерти близкого нам человека. В такие моменты каждый раз заново понимаешь, что целое бесконечно, что проживание целого пределов не знает.

«Этим оканчивается обзор того, – пишет св. Феофан Затворник, – как должно держать себя христианину, как члену тела Христова, в союзе со всеми составляющими сие тело, на небе ли они, или на земле. Помнить только постоянно должно, что забота о сем союзе должна быть не ради его, а ради главной цели христианской деятельности – Богообщения в Господе Иисусе Христе; потому что и сама Святая Церковь, и как дом спасения, и как общество спасаемых, существует ради сего единого и потоплику истиною является, поколику осуществляет сие единое. Как в живом теле все члены, состоя в живом союзе между собою, пребывают соединенными и с головою – и даже потому живут союзно, что соединены с головою; так в теле Христовом все христиане прочно соединены между собою бывают только тогда, когда преискренне соединены с Господом. О сем молился и Господь: да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут (Ин.,17:21). Христианская любовь есть прямая дочь христианского благочестия и другого происхождения не имеет. Не дела одни спасают, а дух, приводящий в движение все дела. Дух же христианский происходит от Бога через Господа Иисуса Христа

во Святой Церкви. Все, что теперь видится в христианстве, так сцеплено между собою, как звенья одной цепи». 13

СПОСОБ РАБОТЫ

Вот небольшой прием, который позволит многое увидеть в себе. Там, где будет действительное стремление прийти к глубокому, возможному для человека, уровню общения, он позволит снять внутренние преграды на пути его достижения.

Для начала нужно выбрать один день в неделю или определенный час в течение каждого дня, и на всем протяжении выбранного времени соблюдать следующее правило.

Выслушав слова собеседника, отвечать ему, выдержав десять секунд молчания. В это время можно произнести про себя Иисусову молитву, можно просто помолчать. Это значит, после каждой реплики человека, с которым я разговариваю, независимо от того, из десяти или из одной фразы будет состоять его речь, я могу говорить лишь тогда, когда выдержу десятисекундную паузу. Как бы мне не хотелось немедленно парировать сказанное собеседником, я остаюсь верен правилу. Даже в том случае, если мне при таких условиях придется промолчать весь разговор, потому что собеседник ни разу не замолкнет более, чем на десять секунд.

Прием этот, при всей его внешней простоте, обладает

большой внутренней силой. Много бессознательного откроется. Многое станет предметом Исповеди и Покаяния.

Продолжительность работы с этим приемом зависит от желания человека. Если не удастся работать с ним три года, работайте год. Не удастся работать год, живите с ним хотя бы полгода. А если и это не получается, тогда уж как выйдет.

Важно только помнить одно условие. Любой прием или правило теряет основную долю своей прорабатывающей силы, если он отрывается от своего содержания – главного смысла, ради чего он применяется. Десятисекундная пауза без веры в благословение и Промысел Божий и без внутреннего стремления к человеку, без желания понять его состояние души, без соучастия ему, превратится в свою противоположность – перейдет в черствое наблюдение себя и другого и установит в супружеских отношениях атмосферу безсердечия.

Не в правиле дело – в устремленности к Заповедям Божиим и в желании Его воли.

Притча о двух деревьях

Как-то упало два семени в землю. Выросли из них два дерева. Одно было с широкой кроной, мягкой и богатой листвою. Всей поверхностью каждого листа своего купалось оно

в лучах солнца. Незаметно для всех наполнялось его жизнью энергией и раздавалось вширь. Каждому путнику давало оно прохладу. Каждому отчаявшемуся дарило радость и красоту своего цветения. Каждому жаждущему и голодному приносило сочные плоды свои.

Другое дерево вершиной своей устремилось к солнцу. Каждым тонким листочком узкой кроны своей жадно вбирало оно льющийся свет. Тень под деревом была длинной и немощной. Редкие цветы необыкновенной и строгой красоты прятались в листве, а плоды были столь высоко, что даже птицам не удавалось подняться к ним. Гордо, в холодном мерцании сверкающей листвы своей стояло оно над землей.

Люди приходили к этим двум деревьям и дивились. Оба дерева устремлены к свету, но устремленность разная. Оба дерева дали крону, но кроны разные. Оба дерева принесли цветы и плоды, но по-разному. Почему так?

А однажды, произошло землетрясение, разверзлась гигантской трещиной земля и люди увидели корни деревьев. Ветвистые, белые, розданные вширь и вглубь, переплетенные со множеством корней трав, кустов, грибов, крепко держались в земле корни первого. Черные, черствые, вертикально уходящие в глубину прямым столбом, обнажились полностью корни второго дерева.

Поняли тогда люди, откуда разница в свойствах первого и второго деревьев.

Вздригнула второй раз земля и сомкнулась трещина, поглотив второе дерево. Не удержалось оно.

УПРАЖНЕНИЯ ДЛЯ САМОНАБЛЮДЕНИЯ

Работа по сознанию своих состояний невозможна без испытания себя. Поэтому ниже предлагаются упражнения, которые позволяют начать такой труд. Где могут быть применены эти упражнения? Там, где явственно схвачено в себе одно из приведенных здесь состояний или настроений сердца. В этот момент важно остановиться, т. е. прекратить все внешние действия, и вслушаться в свое внутреннее состояние. Пока оно продолжается, нужно наблюдать, что происходит во мне. Тогда в поэтапном наблюдении – от вопроса к вопросу – будут подняты неосознаваемые скрытые движения страстной души. Если такое сознание себя вскрыет первопричины поведения, движение страсти ослабнет. Покаянием и Исповедью изгладится совсем.

Иногда в момент переживания состояния не удастся справиться с собой, остановка и наблюдение не получаются. Тогда самонаблюдение нужно сделать спустя некоторое время, по памяти, воспроизводя всю гамму переживаний пройденной ситуации.

Особенно важно дать действительный ответ на вопрос

упражнения. Не бежать от вопроса к вопросу, не торопиться. Вскрывать все слои своего сознания от рассудочного уровня до уровня душевных движений.

Упражнение 1

Ближний провинился. Во мне обида – острое желание, чтобы другой признал свою вину, уговорил меня, утешил и эту мою обиду снял. Чувствую – даже не смотрит в мою сторону, чувствую даже не хочет что-то сделать в отношении меня. Начинаю метаться. Ищу, как ошутимее дать ему понять мою обиженность; надуваюсь и молчу – не помогает, пишу лютую записку и ложусь, отвернувшись к стене, тоже не помогает, вскакиваю, хватаюсь за посуду и гремлю ею, наконец, выбегаю из дома, хлопнув дверью – не могу я тут оставаться!

Вопрос 1. Почему суечусь, но не сознаю свое состояние? Почему не остановлюсь и не попытаюсь разобраться, что работает во мне?

Вопрос 2. Моя обида, – что это? Мудрое желание, чтобы он сам (а) увидел (а) причиненную мне боль или это требование, предъявляемое к нему (ней), а, значит, раздражение, нарастающая неприязнь, отторжение и желание закрыться от общения с ним (ней)? Требование, притязание, или попечение о нем? Если последнее – то где смирение, где муд-

рое, а, значит, спокойное наблюдение ситуации и готовность прийти к нему на помощь? Возможно, даже при том, что он виноват. Где желание «носить бремена друг друга»?

Вопрос 3. Я все больше закрываюсь или все больше готов (а) помочь ему? Погружаюсь в свои состояния или верю что и Господь попускает для моего упражнения это обстоятельство, открываюсь навстречу к нему? Верю Богу, доверяю ближнему или только себя люблю?

Контрольный вопрос. Действительно ли я задаю себе эти вопросы или просто читаю текст?

Упражнение 2

Вижу плохие действия ближнего. Во мне разворачивается движение глубокого осуждения.

Вопрос себе. Почему не движение милосердия?

Контрольный вопрос. Читая задание упражнения, вспомнил ли я состояние, о котором говорится или прочел о нем, как читаю в художественной литературе о настроениях героев?

Упражнение 3

Осознаю: ору.

Вопрос себе. Зачем ору?

Контрольный вопрос. Отвечаю ли я на эти вопросы или только вчитываюсь в них?

О ЧТЕНИИ

Есть два способа чтения. Первый способ – книга читается подряд, без перерывов. Узнается что-то новое, а что-то, давно известное, подтверждается. Какие-то отдельные части книги наталкивают на размышления, другие не замечаются. В конечном счете, поглощается определенный объем информации. С этой информацией мысленно еще в процессе чтения я делаю самое разное; анализирую, разбиваю на части, сравниваю и сопоставляю с разными другими теориями и представлениями, с собственными, в том числе. Что-то я тут же принимаю, даже восхищаюсь, что-то отметаю, против отдельных частей у меня возникает раздражение, а в ряде мест это раздражение может перерасти даже и в неприязнь к самому автору. В дальнейшем с воспринятой таким образом, т. е. положительно и отрицательно, информацией происходит также разное. Я ее могу запросто передать другим, могу обменяться ею, могу утвердиться с помощью этой информации – в своей семье, в кругу друзей и сотрудников по работе. Разве не приятно видеть их полуоткрытые рты и слушающие лица? Не ради ли такого удовольствия от произведенного мною эффекта я так много читаю и так много слушаю других. Либо по содержанию, с которым не согласен, пройду с пренебрежением. Воспринятая таким образом информация, схвачена больше моей памятью, чем мною са-

мим, она отторгнута от меня и содержится во мне лишь как знание, но не как опыт. Потому я и могу обращаться с этим знанием так, как мне хочется.

«Невозможно заслужить дар истинного знания, – говорит авва Нестерой, – тому, кто с намерением приобрести людскую похвалу, занимается чтением. Ибо кто побежден этою страстью, тот необходимо будет связан и другими страстями». 14

В другом случае, в прочитанном я с чем-то согласен. Прочитанное утверждает меня. Чувство уверенности и утвержденности рождается и усиливается во время чтения. Я на этом стою, это мое кредо, мое основание – это звучит во мне твердо. Невольно вспоминаются слова Максима Горького: «Человек – это звучит гордо». Или слова святителя Феофана Затворника: «Ты говоришь – я христианин, и успокаиваешься на этом. Вот первая лесть, которая отлагает тебя от заботы об укоренении в себе истинного христианства». В результате такого чтения, человек начинает надмеваться сам в себе воспринятым знанием. «В таком чтении, – говорит святитель Игнатий Брянчанинов, – будешь наполняться мыслями, неисполнимыми самым делом, возбуждающими бесплодную деятельность только в воображении и желании; дела благочестия, приличествующие твоему образу жизни, будут ускользать из рук твоих». 15 При таком чтении будешь

наполняться знанием, которое надмекает и не будешь обрывать знания, которое просвещает. «Потому, – говорит авва Нестерой, – со всею осторожностью избегай, чтобы у тебя чрез упражнение в чтении, вместо света знания... не произошли качества, ведущие к погибели, от суетной гордости». 16

Другой способ чтения связан с внутренним проживанием прочитанного, с сообразованием себя с ним, не рациональным осмыслением только, а сообразованием. Тогда в процессе чтения все больше начинает присутствовать момент общения с автором, а само чтение становится уже встречей с ним. Как это понимать?

Книжное слово есть всего лишь застывший символ, в котором отображается опыт жизни автора или движение воспринятого им мира. Так например, мы читаем: «становится». Чтобы понять это слово, нужно развернуть или начать разворачивать в себе – слушателе то движение, которое символизировано этим словом. Для одних людей это будет движение, сделанное человеком, встающим с пола на табурет: становится на табурет. Для других это будет изменение качества, например, цвет солнца – становится из желтого красным. Для третьих слово это развернет движение развития и изменения – становится человеком, либо в смысле перемены, был плохой, стал лучше, либо в смысле и чувстве гордости за него или за себя, возвеличивания над собой или воз-

величавания над людьми.

Слово, которое не рождает в слушателе движения, будет не ясно ему. С другой стороны, движение, которое под действием слова разворачивается в человеке, может иметь разный характер.

Когда мы читаем книгу или слушаем речь, в нас возникает движение двоякого рода – либо как движение отдельного от меня предмета, либо как движение меня самого. Слово «преобразование», отнесенное к человеку, в первом случае, развернется во мне в виде представления о преобразовании человека или отобразит действительно совершившееся во мне преобразование меня самого. Во втором случае слово «преобразование» превратится для меня в действительное мое изменение. В первом случае произойдет информативное понимание слова. Во втором – его проживание, сообразование с ним. В первом случае будет информативное или рациональное чтение, во втором – встреча.

Если же человек выбирает последнее – встречу, тогда чтение для него становится напряженной жизнью. Нет, это не проживание жизни тех, о ком он читает, это не вовлеченность в сюжетное движение, предлагаемое книгой, и не сорадование героям, не соучастие, в них, что сплошь и рядом происходит при чтении художественной литературы.

Это другое: в человеке рождается собственное движение к перемене, движение самой души человека в преобразование согласно прочитанному. Читаемое в книге является всего лишь толчком к действительному преобразованию, изменению. В таких случаях им переживается не со-радость победе, о которой написано в книге, а радость открытия себя, обретения в себе того, о чем он прочитал. Не сопереживание горю и мукам героев, а потрясение, отнесенное к действительности собственных поступков и своих отношений с людьми, которые произошли или происходят в данное время в его настоящей жизни. Происходящее в книге связано с жизненным опытом героев или автора книги. Происходящее в человеке, читающем книгу, связано только с ним самим. Это его собственная жизнь начинает биться рядом с сюжетным движением или рядом с содержанием. При таком чтении-проживании, чтении-встрече, чтении-сообразовании читать залпом невозможно. Если читать залпом и много, очень скоро обнаруживается, что проживание себя превращается в сопереживание описанным в книге ситуациям или содержанию. А это значит, что чтениепреобразование перешло в информативное чтение и потеряло свой настоящий смысл. Поэтому чтение-встреча всегда непродолжительно и прочитываются при этом небольшие объемы, но, благодаря сообразованию с прочитанным, достигается сокровенная глубина и затрагиваются тончайшие уровни человеческого сознания.

Совсем иное происходит в сопереживании, когда мы можем прочесть за один день книгу в триста сорок страниц. С упоением, забыв об окружающих, пройти вместе с героями книги или с автором множество ситуаций: взлетов, падений, множество ярких и важных мыслей, и, в конечном итоге, достичь благополучного конца. Отложив книгу, долгое время после этого мы будем испытывать состояние удовлетворения от пережитой напряженности жизни. Увы, жизни не своей, а чужой. Своя при этом часто остается без каких-либо изменений. Только что испытал потрясение от лживого поступка одного из героев книги, или в церковной книге вычитав наставления, которые меня тронули, я могу тут же встретиться с близким мне человеком и солгать ему, не почувствовав ни малейшего смущения.

Как часто мы наблюдаем людей, плачущих во время просмотра фильма. Но закончился фильм, люди принялись за свои обычные дела, а душевности, сочувствия окружающим и близким не прибавилось. Да и не могло прибавиться. Потому что во время фильма происходит в человеке, в его эмоциях сопереживание героям, но не деятельное сострадание им. Сострадание может быть пережито лишь в реальной ситуации, не в фильме, и лишь с реальными людьми, как действительный отклик на боль другого. Правда, оно может возникнуть и во время фильма. Произойдет это в тот момент, когда события, происходящие на экране, всколыхнут

в человеке его собственную ситуацию жизни и, отключаясь от фильма, он заживет ею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.